

то онъ никогда не былъ проповѣдью обѣдненія жизни, упрощенія, нисхожденія. Христіанскій аскетизмъ всегда имѣеть въ виду безконечно богатый мистическій міръ, высшую ступень бытія. Въ моральномъ же аскетизмѣ Толстого нѣтъ ничего мистическаго, нѣтъ богатствъ иныхъ міровъ. Какъ отличается аскетизмъ бѣдняжки Божьяго св. Франциска отъ толстовскаго опрощенія. Францисканство полно красоты и нѣтъ въ немъ ничего похожаго на толстовскій морализмъ. Отъ св. Франциска родилась красота ранняго возрожденія. Бѣдность была для него Прекрасной Дамой. У Толстого же не было Прекрасной Дамы. Онъ проповѣдывалъ обѣдненіе жизни во имя болѣе счастливаго, болѣе благополучнаго устроенія жизни на землѣ. Ему чужда идея мессіанскаго пира, которая мистически воодушевляетъ христіанскую аскетику. Моральный аскетизмъ Л. Толстого — это аскетизмъ народнической, столь характерный для Россіи. У насъ образовался особый типъ аскетизма, не аскетизма мистическаго, а аскетизма народническаго, аскетизма во имя блага народа на землѣ. Этотъ аскетизмъ встрѣчается въ формѣ барской, у кающихся дворянъ, и въ формѣ интеллигентской, у интеллигентовъ-народниковъ. Этотъ аскетизмъ обычно связанъ съ гоненіемъ на красоту, на метафизику и мистику, какъ на роскошь недозволенную, безнравственную. Этотъ аскетизмъ религіозно ведетъ къ иконоборчеству, къ отрицанію символики культа. Л. Толстой былъ иконоборцемъ. Иконопочитаніе и вся связанная съ нимъ символика культа казалась безнравственной, непозволительной роскошью, запрещенной его морально-аскетическимъ сознаніемъ. Л. Толстой не допускаетъ, что существуетъ священная роскошь и священное богатство. Геніальному художнику казалась красота безнравственной роскошью, богатствомъ, недозволеннымъ Хозяиномъ жизни. Хозяинъ жизни далъ законъ добра, и лишь добро есть цѣнность, лишь добро божественно. Хозяинъ жизни не поставилъ передъ человѣкомъ и міромъ идеальный образъ красоты какъ верховной цѣли бытія. Красота — отъ лукаваго, отъ Отца лишь нравственный законъ. Л. Толстой — гонитель красоты во имя добра. Онъ утверждаетъ исключительное преобладаніе добра не только надъ красотой, но и надъ истиной. Во имя исключительнаго добра онъ отрицаетъ не только эстетику, но и метафизику и мистику, какъ пути познанія истины. И красота и истина — роскошь, богатство. Пиръ